

«... Чтобы тебя любили сильнее»

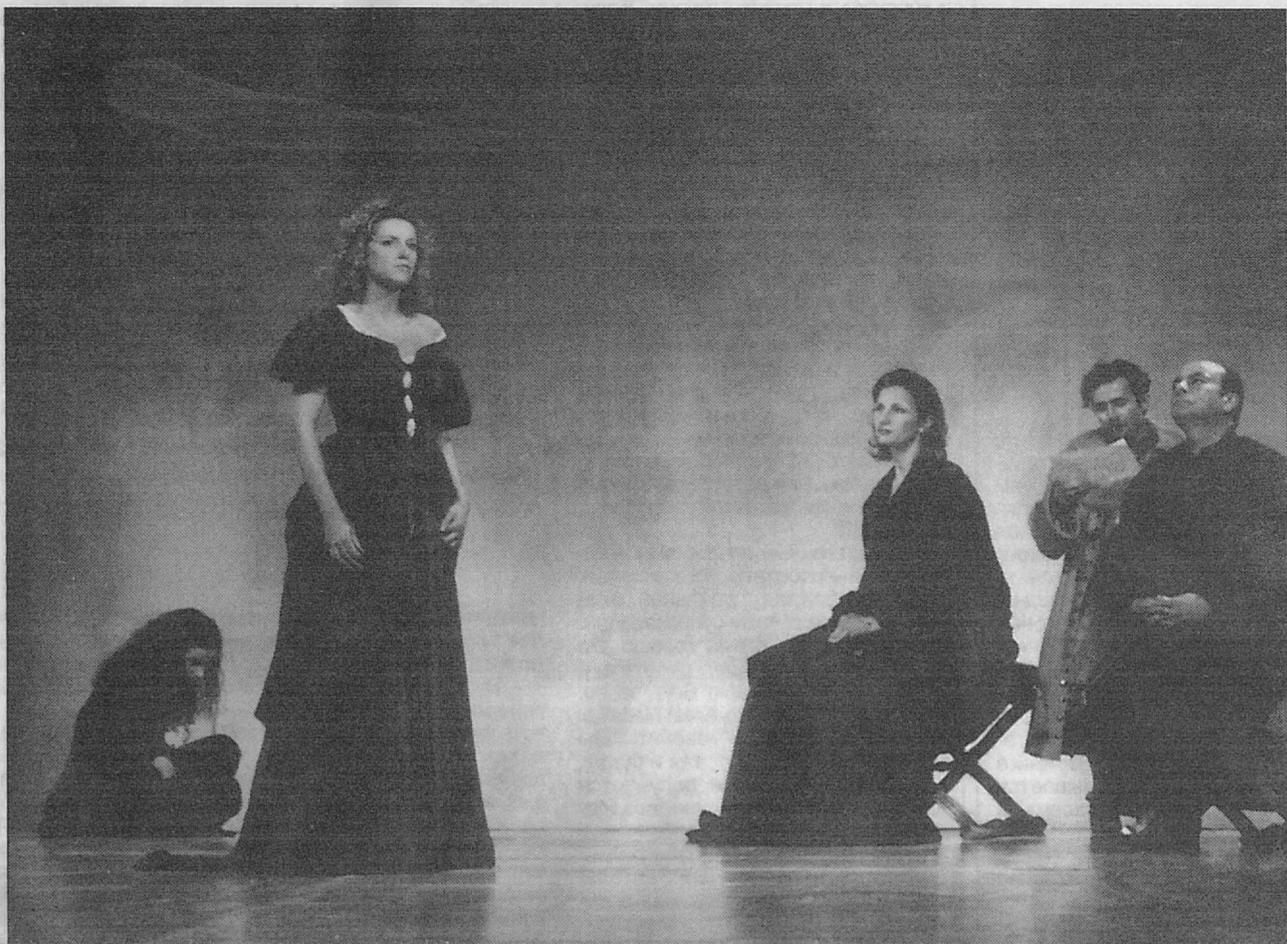
Марина ТИМАШЕВА

Два дня на сцене московского театра имени Маяковского выступала труппа швейцарского театра Види-Лозанн. Театр расположен в Лозанне, на берегу Женевского озера. Им руководит Рене Гонзалес. На годы его правления пришелся расцвет театра, построенного в 64-м году. Здесь ставят и показывают свои спектакли Питер Брук и Люк Бонди, Роберт Уилсон и Морис Бежар, Резо Габриадзе и Жак Лассаль. В Москву привезли «Мизантропа» Мольера в режиссуре Жака Лассалья. Жак Лассаль возглавлял Страсбургский национальный театр. Именно там он поставил «Тартюфа» с Жераром Депардье в главной роли. С 1990 по 1994 год он руководил Комеди Франсез и он же привел в Комеди Франсез Анджея Северина.

Анджей Северин знаком мировой аудитории. Он снялся более, чем в 60-ти фильмах. В том числе в лентах «Дирижер», «Железный человек» и «Пан Тадеуш» Анджея Вайды, в «Списке Шиндлера» Стивена Спилберга, в «Наполеоне» и «Европе» Кшиштофа Занусси, в «Индокитае» Режиса Варнье. В 1980 году Северин играл в постановке Анджея Вайды пьесы «Они» в театре Нантер-Амандье. Из варшавского театра Аттенеум он перебрался во Францию и работает с лучшими театральными режиссерами — такими, как Антуан Витез, Клод Режи, Жорж Лаводан, Питер Брук. Он играл «Дон Жуана» и «Гамлета», «Коварство и любовь», «Горе от ума»... Со своими студентами в Лионе выпустил спектакль «Три сестры». Настоящая звезда, он совершенно демократичен и, помимо всего прочего, прекрасно говорит по-русски, хотя утверждает, что давно думает по-французски.

В спектакле Жака Лассалья Анджей Северин играет Альцеста.

Белый пластиковый пол. Светлые стены, будто вылинявшие обои или выгоревшие на солнце гобелены. Исторические костюмы. Темно-изумрудный и вишневый бархат на Альцесте и Селимене, серо-сине-бордовая гамма в нарядах остальных действующих лиц. Джазовая чувственная мелодия выводится голосом охрипшего саксофона, надтреснутым мужским и женским вокалом. Графичные мизансцены, изящные рисунки ролей, не перегруженная предметами среда. Тяжелый коричневый занавес, задвигаясь, отделяет от внешнего мира альков Селимены. Красивые зрелища, впрочем, распространены и на российской сцене. Стильных и холодных картинок полно в среднестатистическом европейском театре. Иное дело, что в спектакле Жака Лассалья достигнута абсо-



лютная гармония легкой ироничной, порой гротескной, формы и филигранной психологической разработки каждой роли.

Два маркиза — Акаст и Клитандр. Традиционно они воплощали все самое дурное, что так ненавидит Альцест в светском обществе. Жак Лассаль от старой идеи тоже не отказывается. Фальшивый, повизгивающий смех, невероятное количество ритуальных телодвижений и жес-

тов, набеленные лица и странные прически обоих героев скорее напоминают о современных панках или китайских мандаринах, нежели о маркизах времен Людовика XIV. Внешне эта парочка — своего рода Тарапунька и Штепсель, Пат и Паташон — нелепые клоуны, потешные марионетки, раз и навсегда заведенные в соответствии с принятыми условностями. Но есть кое-что еще, обнаруженное режиссером и сыгранное актерами. Маркизы молоды, а потому по мере развития действия становится все труднее понять, где заканчивается ритуал и начинается дурашливая игра мальчишек. И где заканчивается полудетская петушиная запальчивость и начинается серьезное взрослое соперничество из-за женщины. Фехтуют шутя, а вот нож в спину готовы воткнуть нешуточно. Когда же в финале спектакля маркизы, перебивая друг друга, зачитывают оскорбительные письма Селимены, их становится жаль не меньше, чем Альцеста. В прелестно-забавные французские кружева вплетается русская тема маленького человека. Которым может оказаться маркиз, если ему по-настоящему больно. Не дозволено глумиться над другими людьми, неприлично считать себя умнее и лучше прочих — мораль не акцентирована, но следует из того, что делают актеры на сцене.

Столь же психологически филигранно выполнена роль Арсинои. Воплощенная добродетель и скромность (так ее играли всегда), в спектакле Лассалья и исполнении Валери Аль поначалу выглядит настоящей мегерой. В дом к Селимене она приходит только затем, чтобы побольнее уязвить соперницу. Ее поцелуй, честное слово, напоминает поцелуй Иуды. Однако, едва завидев Альцеста, грывза и ханжа, синий чулок (кстати, она действительно заточена в синее платье) тает и на наших глазах превращается в обычную недалекую и похотливую бабенку.

Арсиноя, Клитандр. Акаст — все это пусть второстепенные, но большие роли. А вот посмотрите на мальчика-лакея (его играет женщина). Слуге просцениума присвоена по существу роль греческого хора. Слуга переставляет стулья, зажигает свечи в люстрах и безмолвно оценивает происходящее. Он один знает, что Селимена любит Альцеста, он один желает им счастья, он один оплакивает неутоленную любовь.

...Альцеста в умных спектаклях играла подобием Гамлета (к этому есть основания. Сравните слова о том, что Альцест мечтает «исправить заблудший век» со знаменитым гамлетовским «и я рожден восстановить его»). В России ближе всего «Мизантропу» «Горе от ума», Чацкий кажется вторым Альцестом. Он также честен и прям, также склонен к обличению светского общества и людских пороков, также влюблен в Софию, также отвергнут, также бежит из когда-то милого сердцу дома. В театре такое амплуа называется «резонер». Но Анджей Северин выходит далеко за его пределы. Конечно, он поучает Селимену, но мягко, ласково, даже приниженно. Правда, которую он якобы излагает, сама воспринимается злословием, потому что только им (так думает Альцест) можно развлечь возлюбленную. Альцест соткан из диких крайностей: он ревнив, вспыльчив, капризен, назойлив, упрям, нежен. Почти одновременно.

Альцест Северина — мизантроп (человеконенавистник) не от желчного, циничного или скептического нрава, но — как ни парадоксально это звучит — от любви. В таком случае пьеса Мольера читается (и это совершенно неожиданная параллель), как стихи Лермонтова: «Ты позабыла: я свободы для заблуденья не отдам. И так пожертвовал я годы твоей улыбке и глазам. И так я слишком долго видел в тебе надежды юных дней и целый мир возненавидел, чтобы тебя любить сильнее». Альцест ненавидит мир потому, что на него слишком тратится его возлюбленная. Он ненавидит всех не оттого, что они глупы и порочны, лживы и подлы, но потому, что любое их появление отнимает драгоценное время свиданий. Он ревнует Селимену к миру. Он воспринимает саму жизнь как помеху его страстному и безоговорочному чувству: «Все нашел я в вас». Обвиняя Селимену в предательстве и измене, заходясь от благородного негодования, он ласкает коричневый занавес на желтой подкладке — такой же желтой, как платье возлюбленной. В России желтый цвет — цвет измены, очевидно, так и во Франции, потому что ничего случайного, включая цвета костюмов, в спектакле нет. Темно-зеленый камзол Альцеста — чрезвычайно осмысленная деталь: зеленый во Франции считают цветом несчастья, в театре из суеверия никогда даже программку не выполняют в зеленой гамме.

Несчастный Альцест говорит одно, а чувствует другое. Точь в точь, как Селимена. Образ, созданный Эльзой Лепуавр, совершенно не совпадает с традиционным о нем представлением. Оказывается, Селимена — вовсе не светская пустышка. Она поддерживает гнусное злословие вовсе не по душевной к нему расположенности, но для того, чтобы позлить Альцеста. При этом ее жесты, мимика, интонация никак не годятся для светской болтовни. Селимена раздражена ревностью Альцеста, его недоверием и мстит ему за неприятные минуты объяснений. Осознавая бессмысленность собственного поведения, Селимена начинает злиться на саму себя и уже не может остановиться. Не в Альцесте, а в Селимене дух противоречия вызывает приступы красноречия. А внешнее выражение обиды тем забавнее, чем мрачнее оно внутри. Альцест и Селимена — вечное олицетворение мужского и женского, самой природой обреченных на непонимание, начал. Он слеп: только слепой может не видеть, что его любовь безответна. Она своевольная и капризная, приносит любовь в жертву ложно понятым представлениям о независимости.

Жак Лассаль поставил «Мизантропа» как пьесу о трагической любви. Так, как написал бы эту пьесу Мольер, будь он романтиком. И настолько убедительно, будто Мольер им и вправду был.

● Селимена — Эльза Лепуавр
Альцест — Анджей Северин